

Синенко В.

Журнал «Вопросы литературы» предназначен в первую очередь для специалистов-литературоведов, критиков, писателей. Он призван изучать и объяснять литературу — эту особую форму духовной и художественной деятельности, является в определенной степени путеводителем как в истории литературы, так и в мире современных книг и авторов. И этот журнал интересен и полезен для всех любителей и почитателей словесности.

Сегодня мы, опираясь на читательскую почту, беседуем по актуальным вопросам общественной и литературной жизни с главным редактором этого издания, литературоведом и писателем Д. Урновым.

— Дмитрий Михайлович, идеология перестройки утверждает в обществе приоритет общечеловеческих ценностей над всеми остальными. Как сейчас чувствует себя литературоведение, потеряв прежние исторические, классовые, социальные ориентиры? По каким критериям оцениваются художественные произведения?

— Что значит «потеряв»? Кто потерял, а кто нет. Есть в самом деле — и не только в литературоведении — люди, которые вчера говорили одно, сегодня другое, а завтра так же горячо и убежденно будут говорить третье. Постановка вопроса об общечеловеческих ценностях, как это обычно бывает с большими идеями, вызвала прилив конъюнктуры, инфляцию слов, и я думаю, что со временем при воспоминании об этом мы будем краснеть не меньше, чем краснели уже не раз в аналогичных случаях. Хотим мы того или нет, но общечеловеческое всегда проявляется в конкретно-исторической форме. Общечеловеческое по своему значению творчество Шекспира имеет совершенно явственный социальный, национальный и классовый характер. А является ли бесклассовым одно из величайших произведений о любви (ценности, безусловно, общечеловеческой) роман Толстого «Анна Каренина»? Облегчая себе задачу, многие литературоведы сейчас рассуждают сразу об общечеловеческих ценностях, минуя их конкретно-социальное выражение, потому что, на мой взгляд, не обладают достаточно вооруженным профессиональным зрением и действительно не видят исторической да и социальной конкретности в том же Шекспире или Толстом. Не хоту здесь касаться тех, кто все хорошо понимает, но на отрицании социальных ориентиров делает себе карьеру. Замечу лишь, что конъюнктура перестройки немногим лучше конъюнктуры застоя.

— Читатели в своих письмах сетуют, что литературная критика в последнее время стала очень уж «групповой». Разные журналы выдвигают свои «боймы» классиков. Диаметрально противоположные, взаимоисключающие точки зрения высказываются и при оценке произведений современных авторов. Где правда? Не втягивается ли читатель в игру, далекую от истины? И чью сторону держат при этом «Вопросы литературы»?

Читатели должны больше доверять своему непосредственному впечатлению от прочитанного, а то очень часто они поддаются «эпидемическим внушениям» (слова Льва Толстого) и попадают в зависимость от общественного мнения или суждений напористых критиков. Критические же авторитеты в самом деле порой пристраивают, поддерживая «своих» и нападая на «чужих». Критика даже подчас запрещает читателю думать по-своему, она ему угрожает: «Если будешь думать не как мы, исключим из рядов интеллигенции». Как тут не дрогнуть? Между тем непосредственное чувство не обманывает: человеку интересно читать,

когда книга его захватывает, а не когда ему приходится с усилием выдумывать, что бы сказать по пободу прочитанного и не попасть впросак.

Цель нашего журнала — укрепить читателя, помочь ему самому разобраться в литературе, раскрывая перед ним любую литературную ситуацию с максимальной разносторонностью. «На самом деле все сложнее!» — хотим мы сказать читателю, слушавшемуся мнений с разных сторон. Например, те же «обоймы» имен новоявленных классиков. Неужели критики, которые так торопятся и так уверенно прочт своим кумя-

вляется даже не роман, а фильм, сделанный по одному из упомянутых романов, — «Чапаев». По этому фильму наши потомки будут судить о духе времени, о целой эпохе, как многие поколения судили и судят о Возрождении по статуям Микеланджело.

Конечно, под знаком социалистического реализма появилось много серости. Однако в русле какого метода ее не было? Кроме того, существовали в те годы и совсем другие, «несосновные» творческие тенденции, сейчас мы это себе хорошо представляем, вида черты сюрреализма, скажем, у Андрея Платонова.

Рассудит жизнь

Дмитрий УРНОВ,

главный редактор журнала «Вопросы литературы»

рам и единомышленникам (и только им!) бессмертия, неужели они не знают или забыли, какую проверку временем проходили титаны, оставшиеся в литературе навечно? Сейчас интерес ко многим произведениям поддерживается преимущественно силой обстоятельств. Однако вспомните, сколько произведений, поднявших в свое время бурю страстей, впоследствии вызвали одно недоумение.

— Дмитрий Михайлович, читатель интересуется, что произошло с методом социалистического реализма? Совсем недавно его прославляли, штудировали в школах и вузах, а сейчас в иных критических статьях чуть ли не отправляют «на свалку истории». Читатели задают вопрос: каким методом сейчас пишут советские писатели?

— Социалистический реализм — не выдумка, это такое же явление литературы, как классицизм или барокко. Сейчас у нас дома этот метод подвергается критике так, как мы это умеем, — без удержу и без оглядки. Между тем уже не мы, а американцы выпустили антологию классики социалистического реализма, куда вошли «Железный поток», «Чапаев», «Цемент», «Разгром», «Как закалялась сталь» и «Судьба человека». Произведения достойные, способные пережить многое из того, что в экстазе исторического самодействия нам сейчас представляется чуть ли не вечным.

Социалистическое, революционное мировоззрение дало свое искусство, наивысшим образом которого, по моему,

Каким методом пишут современные советские писатели? Если допустить, будто В. Белов и А. Ким пишут одним и тем же методом, тогда надо вообще забросить и забыть все определения: они ничему не соответствуют! Но раньше, как вы знаете, писатели по уставу своего союза должны были писать методом социалистического реализма. А тот, кто не выполнял это требование, подлежал в лучшем случае гражданской дискреции.

Поэтому и в критике было так много откровенной неправды о литературе — подгоняли разнохарактерные вещи под одно определение. Теперь можно и нужно говорить прямо, профессионально — кто был кто и кто есть кто. Да, у нас существуют все методы от авангардизма до традиционного реализма. Что же касается социалистического реализма, то его важнейший признак — исторический оптимизм, конечно, не наигранный, не «счастливый» конец под занавес, а выраженный в живых характерах. Если сейчас появится произведение, отвечающее этому признаку, мы его и отнесем к методу социалистического реализма.

— Художественный плюрализм — не отрицание ли это реалистических традиций, социальных и национальных начал нашей литературы и искусства в угоду так называемому авангардизму?

— Авангардизм сейчас перестали считать бранным словом, а направление — вредным. Моментами воспользовавшись тем, что серый «реа-

лизм» всем уже давно набил оскомину, авангард стал активно заполнять духовный рынок. Однако мне кажется, что авангард набьет оскомину еще скорей, потому что он вообще не адресован ни читателю, ни зрителю. Когда-то авангардисты дразнили обывателя, «эпатировали буржуа», сейчас это своего рода всемирная индустрия, и главное здесь — знать приемы для внедрения в эту систему. Отечественные авангардисты, имея и школу, и традиции, вполне успешно этими приемами овладевают.

Художник, не умеющий рисовать, — не художник. Авангардисту это умение, оказывается, совсем необязательно. Так что по сравнению с традиционным творчеством авангардизм — это другой род деятельности, требующий иных способностей. Со временем, я думаю, произойдет разделение, четкое и ни для кого не обидное, и все будут знать, что есть искусство, литература и есть авангардизм. Ведь существуют же виды деятельности,

Вот почему иллюзорной оказалась наша надежда даровать сразу всему народу подлинную культуру. Главное — это здоровая почва, семейная, школьная. Дети, выросшие даже в окружении шедевров искусства, которые у них на глазах где попало и как попало «нахватали» родители, не обретут подлинной культуры. И напротив, в добротной-трудолюбивой семье на буквально нескольких хороших книгах могут воспитаться будущие настоящие интеллигенты. Вот эти ценности, а проще говоря, устойчивые, с молоком матери привитые понятия о добре и зле, о чести и бесчестье, о труде и паразитизме и есть основа культуры не покупной, не массовой. Даже одаренные люди, у которых такой почвы не было, вырастают натурами изломанными, уцербными. Что же касается отдыха, то при нормальных условиях это вообще не проблема. Ясно, что есть прекрасное легкое чтение, и любить его никому не возбраняется.

— Каждая эпоха, как и человеческая жизнь, имеет и светлую, и темную стороны. Все зависит от того, какими глазами посмотреть на явления и факты. Андрей Платонов свое время видел по-своему, а Николай Островский, например, — по-своему. Сейчас и литераторы, и публицисты смотрят на прошлое больше глазами Платонова. Читатели, особенно представители старшего поколения, спрашивают: не утверждается ли таким образом в сознании людей полуправда?

— Сейчас мы поглощены самокритикой, поэтому и читаем прежде всего таких писателей, как Андрей Платонов. Но мне кажется, будет время нового духовного подъема, и снова молодежь станет повторять слова Николая Островского: «Жизнь дается человеку только один раз...» Относительно отсталая страна, сделавшись ценой невероятных жертв супердержавой мира, обозначила, только обозначила новую эру в развитии всего человечества, и если и будет что-то интересоваться потомков в нашей 70-летней эпохе, то именно это, нам самим не понятное соединение революционного подъема (Н. Островский) с глубочайшим разочарованием, которого для нас в свое время как бы и не существовало (А. Платонов).

— И последнее, Дмитрий Михайлович. В печати порой раздаются голоса: «Искусство должно быть свободным от идеологических и партийных догм». В связи с этим читатель интересуется, что вкладывается сейчас в понятие партийности литературы?

— Партийность, как и классовость, не есть какие-то сверхчеловеческие свойства литературы. Спущено и навязано было схематичное представление о том, как должна проявляться «настоящая партийность». Партийность — это не следование за указующим перстом, не словесная жвачка и не грубая агитация. В точном, узком смысле, по Ленину, партийность писателя — это прежде всего открытая связь с партией. Партийность в широком смысле слова — это признание неизбежной «несвободы» художника в обществе. Отвергать в искусстве партийность и роль идеологии — это все равно, что предлагать в мире физическом выскользнуть из условий атмосферного давления.

Беседу вел
В. СИНЕНКО.

28

ПРАВДА

4 АПР 1990